

Георгий Панкратов

Воючки

Рассказ и маленькая повесть

Ю

— Все могло быть иначе, — сказала Ю. — Жаль, что так получилось.

— Так что же будет теперь?

— Ничего, — ответила Ю. — Здесь слишком сильный ветер. Посмотри, что с моими волосами.

— Тебе не стоит беспокоиться. Ты выглядишь отлично.

Он стоял, обыкновенный мужчина за тридцать, неотличимый от прохожих, и старался сохранить лицо.

— Вот и у нас все могло быть отлично. Мы могли быть вместе, а у тебя могло быть все.

— Понимаешь, это твое предложение... Оно как мостик в другую жизнь, но оно само — не другая жизнь. Я не хочу, чтоб это «все» было за чей-то счет. Я свободный человек и не хочу попасть в зависимость. Если бы была любовь, а так... Куда все это приведет в конечном счете? Никуда. Нет будущего. Можно было бы попробовать... Но так, чтобы менять всю жизнь? Я решил: нет.

— Ну и ладно. Не больно-то и надо было, — бросила Ю и отчего-то повторила: — Если бы была любовь...

— Вначале я тоже думал, что все получится... Но мы тогда плохо друг друга знали, бывает такое — люди общаются и понимают, что... ну, не друг для друга они. А поначалу кажется, что друг для друга.

— Все это глупо, — произнесла Ю. — Глупо и постыдно.

— Ну а тебе-то зачем такое? Да, ты мне поможешь в делах... Хорошо! Это соблазн. Но ради этого... Я ведь честно скажу — я взвешивал все плюсы и минусы, просто житейские, бытовые... Но вот решая... взвешивая то есть... вообще не думал о чувствах! Мы разные, мы живем разным. Хотя ты красивая, да. Интересная. Но характеры! Образ жизни...

— Хватит уже, — строго оборвала Ю. — Я пойду.

— Я запутался... И признаюсь, никогда себя не чувствовал так паршиво... Каким я стал... или был таким. Мне вообще не нужна любовь. Не до любви, не до чувств мне! Прорваться бы! А вообще... больше всего хочу отдохнуть... И я хотя бы честно объяснился. Ты прости... Мы можем зайти куда-нибудь. Я одно место знаю — тут же, на Поварской, но чуть дальше... Чего ты? Не прощаться же вот так, на полуслове.

— Нет, — Ю покачала головой, — именно так.

Георгий Панкратов (1984) — родился в Санкт-Петербурге. Печатался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Москва», «Нева», «Сибирские огни», «Знание-сила: Фантастика», «Опустошитель», «Discours», «Дистопия» и проч. Автор двух книг прозы. Лауреат премии журнала «Урал» за лучшую публикацию 2016 года (проза), победитель Германского международного конкурса русскоязычных авторов «Книга года» (2018).

— Послушай, — мужчина за тридцать неловко схватил ее за руку, она отдернула.

Впереди, на Новинском бульваре, пронеслись автомобили.

— Нам незачем никуда идти вдвоем. Не о чем больше общаться, — отчеканила Ю. — Нет никакого смысла. До свидания.

Она развернулась и резко зашагала к перекрестку. Мужчина за тридцать бросился вдогонку, возник перед ней, зачем-то снял кепку, тербил в руках. Смотрел на нее с безумной улыбкой, она на него — без удивления, утомленная. Он чувствовал себя виноватым, хотелось попроситься по-человечески, остаться... если не друзьями, то добрыми приятелями, что ли... Нужно было что-то сказать еще, сделать, но что — он не знал. Тянул время. Ю не стала ждать: завернула за угол и ускорила шаг.

И тогда он понял: нужно дать ей уйти. Это все. Звучала музыка, очень знакомая, с детства... Музыка остановила его, сковала, заставила застыть на перекрестке...

Тара-рара-рам, тара-рара-рам...

Мужчина за тридцать вслушивался, пытался вспомнить... Ну конечно! Конечно же, он знал эту мелодию — тревожную, торжественную.

Там-тататата-та-та-там...

Музыка гремела над московским перекрестком, над его размякшими от духоты прохожими, гремела бескомпромиссно, неотвратно, бесповоротно — совсем как то решение, которое принял мужчина за тридцать, совсем как его прощание с Ю.

Мужчина за тридцать вышел из оцепенения и бросил взгляд на невысокий забор. «Федор Шаляпин... — гласила надпись, — устроил в своем имении госпиталь для солдат...»

Он отвел взгляд. Подошел к зданию, где играла музыка, поднялся по маленькой лесенке, встал возле двери. «Музей “Петр Ильич Чайковский и Москва”», — вчитался он. Постоял, послушал музыку. По-прежнему не отпустило. Хотелось что-то сказать, вроде «Счастья тебе», или «Бог с тобой», или что-то еще... Но он понимал, что это уже все «задний ум», что поздно... Ю скрылась из виду, свернув на другом перекрестке, оставив ему угол Поварской и Новинского, оставив ему свой голос, звенящий, переливающийся в воспоминаниях. «Воспоминания, — ухмыльнулся мужчина за тридцать. — Всего-то минута назад, а уже — воспоминания». Исчезла Ю, в водовороте Москвы растворилась. «Ты больше ее не увидишь», — произнес раздраженный голос.

— Ты больше ее не увидишь, — кричал в трубку молодой человек в синей футболке, с коричневым портфелем в руке. Его голос был гнусавым, казался отвратительным. — Ясно тебе? Ясно? — твердил он в трубку.

Мужчина за тридцать достал платок. Пот стекал ручьем. Мимо прошла — не прошла даже, а пробежала, промчалась женщина в полосатом платье.

— Хожу — не нахожу, — говорила она в свой телефон, — хожу — не нахожу.

«Если вы заметили нарушение в содержании стройплощадки, сообщите куда следует», — рекомендовал плакат с забора. Мужчина за тридцать спустился по маленькой лестнице и едва не столкнулся с девушкой. Бежевое платье, подвеска, кеды — красавица, мгновенно оценил он: «Только взмыленная».

— Где здесь Центральный дом литераторов? — без предисловий спросила она.

Мужчина за тридцать вспомнил ворота, мимо которых бежал, догоняя Ю. Что-то там похожее было... Но видел он и на соседней улице — большую

вывеску: то ли писательский дом, то ли клуб... Черт о них ногу, об этих писателях, сломит!

— На Поварской? — спросил он у девушки.

— Нет, на Кудринской, — нетерпеливо ответила она.

— Тогда вон туда идите. Следующий перекресток...

— Точно? — недоверчиво спросила девушка. — Вы меня не запутываете?

— Зачем? — рассмеялся мужчина за тридцать, но девушка сохраняла серьезность. — Вон там поворот, видите... Там найдете, остановка автобусная еще...

Девушка поспешила к улице Кудринской, не дослушав его объяснений. Туда, где еще недавно, стуча каблучками, прошла Ю. Мужчина за тридцать махнул рукой и развернулся в противоположную сторону.

Пересек Поварскую, бросив прощальный взгляд на Шалапина, и пошел вперед по Новинскому. Смотрел на встречающих людей. Пытался слушать их, чтобы не слышать себя.

Возле «Шоколадницы» раздался резкий раздраженный гудок за спиной, и тут же мимо промчался велосипедист. Мужчина за тридцать испугался, тихо выругался, повернулся. Прямо на него мчался новый велосипед. Управлявшая им девушка весело крикнула:

— В Москве все так катаются!

Но оказалось — это не ему, мужчине за тридцать, а своему спутнику на первом велосипеде. Они поравнялись впереди, и раздался хохот. Мужчина за тридцать вздохнул: он частенько думал, что в городе настала диктатура велосипедистов. Она ему не нравилась, но надо было как-то с этим жить... Теперь же и вовсе было все равно. «Шоколадницу» сменил дорогой бутик со стеклянной витриной: внутри было пусто, как часто бывает в таких магазинах. Где и торгуют-то, наверное, пустотой. Хотя кто его знает, чем там торгуют, мужчина за тридцать ведь не заходил внутрь.

За пустотой появился памятник. «Бродский», — узнал мужчина за тридцать. Он не бывал здесь прежде и видел памятник впервые. Рядом стояли скамейки, над которыми раскинулись широкие каштаны — в жару да без особых дел было просто невозможно пройти мимо.

Памятник поэту Бродскому не походил на множество памятников, которые встречались мужчине за тридцать прежде. Хотя бы тем, что в самой скульптурной композиции было несколько человек. Тонкие, практически двухмерные человеческие фигуры стояли, прижимаясь друг к другу, как слипшиеся пельмени, двумя маленькими группками. На их фоне выделялась другая фигура — на первый взгляд тоже двухмерная, серая. Из глубины каштановой аллеи казалось, что она отличается только позой. И еще тем, что у нее есть ноги — то есть туфли на ногах, в то время как слипшиеся фигуры вырастали из постамента словно грибы. Но мужчина за тридцать уже заметил, перед тем как присесть на скамейку: у Бродского было лицо — нос, губы, глаза, прическа...

Голова поэта была поднята вверх, в небо, — он смотрел уверенно, держа руки в карманах. У остальных же не было не только лиц, но и рук — они кучковались, словно чего-то страшась, не понимая; жались друг к другу. И только поэт стоял в городом одиночестве. Интересно, подумал мужчина за тридцать, он одинок, потому что так гордо смотрит в небо, или так гордо смотрит — потому что одинок? Что первично? — задумался мужчина за тридцать и удивился своим же мыслям.

Совсем молодая девушка, черноволосая, худенькая, в клетчатой рубашке, короткой черной юбке, с кожаным рюкзаком за спиной, прошла в сторону Поварской. Она не взглянула на Бродского. Поэт смотрел в небо и тоже не видел ее. Зато — странно! — мужчине за тридцать вдруг показалось, что все остальные слипшиеся фигуры проводили девушку взглядом. Хотя у них и взгляда никакого не было.

Он продолжал рассматривать серые фигуры и пришел к мысли, что этот памятник — наверное, не только Бродскому. Он вообще — любому творцу. Прав ли творец, что, глядя в свое небо, упускает таких девушек? И права ли девушка, что проходит мимо, не замечая творца? Каждому свое; и то и другое простительно.

Творец все смотрел, а возле него уже проходила другая девушка — в красном платье, черной накидке. Она закурила и отправилась дальше. Возле творца остановился худой парень во всем черном — джинсах, заправленной рубашке, строгих лакированных туфлях и почему-то с красной спортивной сумкой в руке. Он достал телефон и долго присматривался, примерялся к творцу, ища удачный кадр. Немолодой казах в голубой футболке улыбался, остановившись, и ждал, пока парень снимет, чтобы не влезать в кадр.

Творцы одинаковы, подумал мужчина за тридцать. Подумал он и еще кое-что: в этой композиции творец один, но несколько творцов вроде Бродского образуют в конечном счете такие же группы, сливающиеся уже друг с другом. А на их фоне будет стоять другой сверхтворец. У слипшихся творцов будут и одежда, и прически, и носы, но не будет чего-то другого, что будет у сверхтворца. И все это — до бесконечности, пока мы не дойдем до Бога. Пока мы не найдем Бога.

Мысль оборвалась. Мимо прошли мужчина и женщина. Она — в строгом костюме, с короткой стрижкой. Он — расслабленный, в джинсах, футболке.

— Я не удивлюсь, если... — послышался голос мужчины, но офисная леди оборвала его:

— Говорю же: дают — бери!

Она громко повторила еще несколько раз, пока не пропала из зоны слышимости:

— Дают — бери.

Мужчина за тридцать встал и пошел за ними: хватит, отдохнул, посидел в тени. В тени Бродского. Разглядел надпись на спине мужчины: «Майами-3».

Справа осталась троллейбусная остановка. Навстречу шел мужчина с контрабасом: музыкальный инструмент был чуть ли не вдвое выше владельца, щупленького, бородатого. Владелец кряхтел и охал, останавливался, но вновь хватал контрабас и шел дальше. Две быстрые девушки в очках — видимо, студентки — обогнали его. Одна обильно жестикулировала, показывая другой — мол, фифти-фифти. О чем-то они спорили, что-то выясняли. Мужчина за тридцать увидел здание с флагом — за невысоким, но крепким забором. Видимо, школа — и точно: надпись возле флага сообщила: «С углубленным изучением отдельных предметов». Ну, что ж тут непонятного? Отдельных. С углубленным. В скверике при школе красовался большой многоуровневый скворечник — нижний этаж на одну ячейку, следующий — на четыре и так еще несколько. Самый верхний — на добрых двадцать птиц. Только самих птиц не было — не прилетели.

Начался новый дом — длинный, основательный... А сколько табличек «Здесь жили!» Мужчина за тридцать вчитался: «Народный архитектор Ловейко», «Академик Алабян»... Навстречу прошел бородатый и загорелый дедок в очках, посмотрел с укоризной... Или это только показалось? Парень в рубашке куда-то спешил, задел человека в форме, извинился перед человеком в форме... «Армия России», — прочитал мужчина за тридцать вывеску. Человек в форме открыл дверь, зашел в магазин.

Парень в светлой рубашке что-то увлеченно рассказывал пенсионеру. Оба шли с походными рюкзаками на плечах.

— Не, ну там танки другие, — почти кричал парень. — Ну, я ездил на обычных танках, а еще на БМП...

На двери следующего магазина оказалась надпись попроще — ООО «Ришелье». Мужчина за тридцать вспомнил о трех мушкетерах. Нет, кардинал Ришелье навряд ли обитал в этом доме, а вот художник Петр Петрович Конча-

ловский — обитал. Рядом «Аптека круглосуточно». Хорошо было Кончаловскому: вот и аптека рядом, в твоём же доме, подумал мужчина за тридцать. И ещё маленький скверик за углом. Вот только во времена Кончаловского там вряд ли были скамейки на одного человека. Они появились в городе недавно, и их становилось все больше и больше. А что? Никто не подсядет. Комфорт для одиноких, уют для интровертов. Удобства большого города...

А вот и поворот на Новый Арбат — долгожданный... Новинский уже надоел мужчине за тридцать. Последний магазин — корейская еда. Мужчина за тридцать не стал всматриваться: чего он там не видел? Острой лапши, фунчозы, приправ? Что у них ещё, у корейцев? Можно бы спросить у той красивой кореянки во всем оранжевом — ну просто как корейская морковь! Она стояла на перекрестке и как будто раздумывала, куда пойти... К чему ей лишние распросы? Девушка занята, раздумывает!

Вот наконец она решилась — пошла к подземному переходу. Туда же устремилась изящная женщина в широкой, безразмерной синей шляпе и сумкой «Paris» на плече. Paris все так же, как и много лет назад, остается романтической мечтой, идеалом, подумал мужчина за тридцать. Причем тот, старый, а вовсе не нынешний, где в эти дни проходил чемпионат Европы по футболу. От Европы оставалось лишь название, но Эйфелева башня по-прежнему манила, по-прежнему звала... У Москвы была и своя Эйфелева башня, и даже несколько — громадины «Москва-сити», возвышавшиеся над центром старой столицы. Но мужчина за тридцать не собирался идти к ним, он решил свернуть влево, прогуляться в сторону «Арбатской».

На проспекте всюду шел ремонт. С обеих сторон была перегороджена пешеходная часть. Проходим оставляли только узенькие тропки, да и водителям не повезло — у них отхватили по целой полосе. Слева мужчина за тридцать увидел вход во двор. На стене дома — надпись: «Участковый пункт полиции». Решил посмотреть, что ещё есть во дворе, остановился возле шлагбаума.

— Чтобы мне в реестре перерегистрировали основной договор, — услышал он рядом с собой. Это парень в костюме нетерпеливо объяснял в маленький микрофон на проводе-ниточке, который держал в руке. В его словах если не вся Москва, усмехнулся мужчина за тридцать, то значительная часть ее, значительная.

Загудела полицейская машина на дороге — как-то жалобно так: у-у-у-у. Словно стеснялась самой себя, вынужденной разгонять, поторапливать других водителей. Из чьей-то машины раздался крик:

— Как я устал!

Мужчина за тридцать не рассмотрел, кто это крикнул. А может, кричали другое? Например: «Чего тут встал?» Но никто нигде не становился, здесь и остановка-то, наверное, запрещена.

Зато прямо рядом с ним, возле шлагбаума, остановился «мерс». Автомобиль появился словно ниоткуда и так же, спешно разворачиваясь, теперь стремился исчезнуть никуда.

Медленно шла кореянка в оранжевом — похоже, определилась с маршрутом. Мужчина за тридцать обогнал ее и нырнул в проем между двумя заборами. Благоустройство — это хорошо, подумал мужчина за тридцать. В Москве все время что-то благоустраивают, копают, перестраивают, переделывают... Прокладывают новые велодорожки. В итоге многое, конечно, получается. Но не покидает ощущение, что находишься в городе постоянного ремонта и благоустройства. Когда-нибудь нужно и успокоиться... Вот добралось благоустройство и до Нового Арбата. А начали с чего? С ликвидации троллейбусной сети. Что ж... как бы кто там ни ругался, какое же благоустройство без ликвидации?

Навстречу прошла девушка, сбила мысли. Худая как палка, словно собралась ликвидировать саму себя. На груди — надпись: «Лос-Анджелес»; еле хватало тела, чтобы ее уместить.

Вот он и вынырнул из коридора. Слева — паб «Молли Гвиннз». На веранде сидят двое, за разными столиками, один в наушниках. Переговариваются, вернее — перекрикиваются:

— Задеру-ка я цены? А че делать?

— На те торты?

Людей вокруг мало, не только в пабе. А вроде конец пятницы — скоро должны прибавиться. Мужчина за тридцать поднял голову, словно тот Бродский, пылливо всмотрелся в знаменитые дома-книжки. В детстве он видел их на обложке журнала «Студенческий меридиан». Окна книжек горели, складываясь в слово «СССР». Кажется, СССР и остался в этих домах-книжках. Что там увидел, в окнах, мужчина за тридцать? Где-то старые шкафы, повсюду — люминесцентные лампы, раскинувшиеся широкие листья одинаковых — на каждом этаже — растений. Что в домах-книжках теперь? Там прошлое.

Еще где-то в их недрах, слышал мужчина за тридцать, офис радиостанции «Эхо Москвы». Но «Эхо Москвы» — это теперь тоже прошлое.

— Я говорю, от твоего иммунала я еще больше болею! Я задолбалась с ним, честно! Не могу больше, слов нет!

Одна девушка — в красном платье, другая в белых штанах. Обе качали головами, словно в подтверждение: да, слов больше нет. Мужчина за тридцать так и не понял, кто из них произнес гневную речь.

— А я говорю им: вы че, нас взрывать приехали?

Женщина в черном громко чихнула, и лысый парень, с виду неформал, бросил на ходу:

— Правда! Правда!

Пара тут же скрылась в подземном переходе.

— А ты знаешь — такая ситуация...

Откуда, от кого донеслась эта фраза, мужчина за тридцать так и не понял, так и не увидел говорящего. Наверное, любой мог такое сказать. Из-за забора раздался крик рабочего:

— Давай, давай, давай!

Крепкий парень с голым торсом заливал яму водой из шланга; мужик постарше пританцовывал рядом — то ли подбадривал, то ли поторапливал.

«Промсвязьбанк», «Михаил Посохин, спроектировал Новый Арбат», «Кредит» — так и лезло в глаза мужчине за тридцать. Он посмотрел на другую сторону улицы. «Сбербанк», «Тарантино», «Сбербанк», «Бургер Кинг»... Прошел еще немного. Увидел вывеску «Помощь» (в скобках — «страховая группа»). Возле входа плелся сухой старик-татарин с двумя большими канистрами, полными водой.

Лысый, голый по пояс человек слегка толкнул мужчину за тридцать, обернулся, но ничего не сказал. Он тащил за собой большой чемодан и был очень похож на политолога Ковтуна, который приезжает в Москву на телевидение рассказывать, какая прекрасная жизнь в одной соседней стране. Может, настанет время, и однажды сам Ковтун приедет вот так же в Москву — голый по пояс и с чемоданом; переедет сюда насовсем. А может, это и был сам Ковтун, и он уже переехал?

Слева — опять аптека. Если бы в доме Петра Кончаловского она ненароком закрылась или не оказалось нужных лекарств, идти было бы недалеко... Бородатый хипстер прошел навстречу.

— И центральный управление уже забивает в базу... — буркнул он, шедшая с ним девушка с двумя косичками утвердительно кивнула.

Женщина средних лет, грустная, тащила за руку мальчика.

— Как ты идешь, сейчас наступлю тебе на ногу, — причитала она. Он — в сандалиях, она в босоножках. А вот и Московский дом книги, перед ним — лапшичная. Мужчина за тридцать понял, что хочет кофе. Двери раскрылись перед ним, он вошел.

— Здравствуйте, что вам?

— Кофе какой у вас, здравствуйте?

— Американо, эспрессо...

— Американо, — выбрал мужчина за тридцать. — И вот этот напиток имбирный, он у вас ноль-два, да? Холодненький есть?

— Из холодильника. Он ноль-четыре, сейчас посмотрю, да, ноль-четыре.

— Отлично, давайте.

— Сто пятьдесят с вас. Что-то еще?

— Нет, спасибо.

— Пятьдесят рублей будет?

— Нет, к сожалению.

Мужчина за тридцать взял поднос с кофе и напитком и присел за ближайший стол. Положил имбирный напиток в портфель, подул на горячий кофе. «Ну вот, — подумал, — раньше бы в такой ситуации набухался. Теперь вот даже бухать не хочется».

За столиком перед ним сидела женщина — настоящая красавица, высокая блондинка. Она ковыряла в зубах зубочисткой. Немолодая таджичка попросила красавицу поднять ноги, чтобы помыть пол. Мужчина за тридцать отхлебнул кофе. Красавица сменила зубочистку, посмотрела в айфон, убрала со стола документы в сумку.

Сотрудники лапшичной — две девушки и парень — переговаривались, но неслышно. «Корейцы? Китайцы? — думал мужчина за тридцать. — Вряд ли, узбеки скорее всего». Он почувствовал, что прямо здесь и сейчас, наверное, кончилась его молодость. Нет, формально это уже случилось — еще где-то в двадцать семь у человека вроде бы как наступает новая веха, но есть же такое понятие, вневозрастное, вневременное: чувствовать себя молодым. И прямо сейчас, прямо здесь с каким-то по счету глотком не самого вкусного кофе это ощущение прошло. Третью жизни прожита (ну пусть чуть больше), вторая — будет решающей. И будет лучшей, интересной, как же иначе? Ведь первая была, по сути, бесполезной и вот сегодня, с уходом Ю, закончилась. Не сразу, не моментально, а здесь, в лапшичной.

Администратор заведения, строгая женщина в черном костюме, кудрявая крашенная блондинка, вышла из туалета, постояла возле прилавка, проверила продукцию. Что-то неслышно сказала продавцам, те так же неслышно ответили. Слегка улыбнулась, проходя мимо мужчины за тридцать.

— А почему к телефону не подходит? — оживилась красавица за столиком. — Входящие бесплатно! Пусть она прямо сейчас позвонит. Да, пусть позвонит. («Надо же, — подумал мужчина за тридцать, — сказала и так, и так. И не заметила даже!»). Я на Арбате Новом. Спасибо большое!

Но та, чьего звонка ждала красавица, все не звонит, отметил мужчина за тридцать, и даже не звонит. Красавица потягивала из трубочки сок. Наконец заговорила в трубку:

— Одинцовский район. Поселок Усово. На сегодня, пять часов.

Загремела музыка, какой-то лаунж. Да, лаунж — тихая музыка, расслабляющая, но почему-то здесь, в лапшичной, она гремела, громыхала, грохотала. Мужчина за тридцать больше не слышал красавицу. Он пошел в туалет.

Над унитазом висела табличка, распечатанная на листе А4. «Мы контролируем чистоту в туалете каждые 30 минут потому, что заботимся о вас». В столбцах указывали то, что контролируют, — туалетная бумага, мыло, раковина, зеркала; в строчках — когда: 8:30, 9:00... и так до 22:30. В соответствующих ячейках стояли галочки и подписи ответственного за чистые туалеты лица.

И есть же люди, весь день которых — в этой таблице, думал мужчина за тридцать, пользуясь чистым унитазом. Целый день человеческой жизни... А как же он теперь? Из чего будет состоять его каждый день? Он смыл за собой, помыл руки, вышел из туалета... Администраторша уже переделалась и тоже вышла на улицу. Она была в желтом коротком платье, солнцезащитных очках,

красивые волосы обдувал легкий летний ветерок. Крепкие загорелые ноги ее были обуты в сланцы.

Мужчина за тридцать зашел в книжный. Хрупкую девушку с бледными красными губами остановил охранник.

— Чек покажите! — беззлобно, устало произнес он.

«А что мне там делать, в книжном? Книг сейчас нормальных не выпускают...» Не пошел, передумал.

Вот уже и «Арбатская» близко. Проехал мужик на велике, похожий на постаревшего певца Евгения Осина. Мужчина за тридцать видел Евгения Осина — его показывали по телевизору — спившегося, несчастного. Певец даже расплакался в одной из передач; «Обидели парня», — кто-то сказал, утешая. Мужик был похож на такого Осина, каким бы он стал, если бы просто постарел, но не пил.

За мужиком вразвалочку шел рабочий в футболке ЛДПР. «За русских, — говорил лидер этой партии в своих речах, — за москвичей». Но рабочий не был ни русским, ни москвичом. На рекламных щитах партии было то же, что на футболке рабочего: синий фон, четыре желтые буквы. Просто чтоб не забывали: есть, мол, такая партия.

Он подошел к подземному переходу. Несколько секунд под землей — и с Нового Арбата ты окажешься на старом. Почему бы не продолжить прогулку? Из перехода вынырнула девушка в бесформенных одеждах, с большим деревянным крестом на груди. Внимательно посмотрела на него. Вокруг стало тихо, и показалось, что все замерло. Но только на секунду или две.

— Не ной ты! — раздался рядом грубый мужской голос.

— Я не ною, но ты мне пообещал, Валя! Понимаешь, пообещал!

Мужчина за тридцать спустился в переход. Людей было немного. Девушка в черном топике, с оголенным пупком и парой колец в носу стояла, раскинув руки, в одной держа телефон.

— Что происходит? — кричала она громко и слишком, чрезмерно наигранно. — Я не пойму, что происходит!

Рядом стоял парень в шортах, простой футболке. Он был растерян.

— Что? — повторял парень. — Что?

— И с таким лицом, как будто она, сука, все знает! Закрой рот и сиди — вот твое место.

Девушка в красном, с большими губами шла с высоким крепким парнем к очередному забору. Подошел к нему и мужчина за тридцать.

— Сначала одна гражданская была, потом революция, потом опять несчастья... — мимо него прошла женщина с девочкой-школьницей. У обеих короткие стрижки. Обе в кроссовках, спортивных — или похожих на то — одеждах.

Группка молодых людей играла в «перестрелку», изящно, плавно перемещаясь, прячась за припаркованными автомобилями, складывая пальцы в подобие револьвера, изображая выстрелы, ранения, падения... И все — бесшумно, замедленно. На всех — яркие одежды, все довольные, улыбчивые. Кроме тех, в кого «попадали»...

Возле входа на старый Арбат — другая группа: в ростовых промоутерских куклах, но не промоутеры. Несколько котов — оранжевых, полосатых, девочка Маша из популярного мультика, Чебурашка, олимпийский Леопард... Они обнимали прохожих, даже тех, кто не хотел и вырывался, — догоняли и обнимали. Мужчина за тридцать увидел, как рыжий «кот» бросился к девочке-школьнице в спортивном костюме, но мама ловко вытащила ее из объятий, заодно и дала по лапам «коту». «Не все ему масленица, — усмехнулся мужчина за тридцать. — Слишком много их, стоят как баррикада. Зачем? Кто это придумал? Не слишком-то и удачно...»

Постояв еще немного, он двинулся в сторону главной пешеходной улицы страны. Босой индус сидел на бетонном блоке, опустив голову, уткнувшись

лицом в пол. Перед ним стояла разрезанная пластиковая бутылка, на дне виднелись монеты.

— Ну вот, в принципе, если она от меня не будет блеваться... — говорил молодой человек в рваных джинсах в свой телефон.

Так и сказал — «блеваться». «Что бы это значило?» — хмыкнул мужчина за тридцать.

Рыжий «кот» снял свою «голову» и принялся оживленно говорить по мобильнику. «Котом» оказался загорелый казах. О том, кто остальные животные и сказочные персонажи, мужчина за тридцать думать не стал — он нырнул между ними и оказался... Он не просто оказался на Арбате. Мир шаржей, нет, планета, нет — вселенная шаржей открылась ему. Вселенная шаржей под розовыми воротами.

Прямо из арбатского асфальта выростали деревянные дуги, по всему периметру которых разместились цветочные горшки. Пышное цветение — все оттенки сиреневого, розового, фиолетового — нависало над уличными художниками, видимо, вдохновляя их на все новые и новые портреты, шаржи, карикатуры. С натуры, по фотографии, по чьим-то фантазиям и воспоминаниям... Мимо картин ходили негры в костюмах петровских времен, улыбались, фотографировались с желающими. Желающих было много...

Мужчина за тридцать ускорил шаг — к нему зачем-то направился очередной Чебурашка. Только на сей раз белый. Недавно здесь, на Арбате, произошел скандал: чиновник высокого ранга разъезжал по пешеходной улице на автомобиле, ударил девушку, которая сделала ему замечание, угрожал прохожим... Потом, перед зданием суда, он отрицал все, но, когда ему напомнили, что улица, как ни крути, пешеходная, развернулся и уверенно так сказал: «А вот за это мне стыдно, и я раскаиваюсь». Может, весь этот десант чебурашек, котов и маш — он для того здесь, чтоб люди были добрее, подумал мужчина за тридцать, не нападали на первый попавшийся автомобиль, не порочили государственных мужей?

Он посмотрел в окна арбатских домов: вторые, третьи этажи пустовали. Где-то шел ремонт, где-то просто за открытыми настежь оконными рамами виднелись голые стены, серые потолки. Как здорово, думал мужчина за тридцать, если бы здесь кто-то жил, — он когда-то читал историю про молодого парня, то ли поэта, то ли художника, жившего на Арбате со взрослой женщиной; какие-то там приключения — любовные, творческие, алкогольные... Жизнь. На нынешнем Арбате жизнь оставалась лишь на нижних этажах. Вот она: между пустым вторым и сияющим первым — лаконичная надпись: «Роскошь». Ювелирный бутик.

Через дорогу — еще один «целый мир»: на сей раз украинских сувениров. В соседней кафешке играла мелодия из кинофильма «Профессионал», потом ее сменил старый хот группы «Нэнси». Над Арбатом раздавался детский крик: для самых маленьких поставили трех деревянных лошадок, потому что дети «не должны быть одни», как написано рядом на спонсорской табличке. В окне вышиванки, портреты Тараса Шевченко, ленточки, флаги. Слава Украине, слава героям, слава братскому народу! Интересно, подумал мужчина за тридцать, есть ли на Крещатике лавка русских сувениров? А на проспекте Бандеры в Киеве — есть?

Вот оно что, оказалось! Здесь целый культурный центр Украины, а магазин — при нем. Массивные двери культурного центра надежно закрыты. Зато приветливо распахнуты у заведений быстрого питания — «Крабстер», «Красти Крабс». И если лошадки для маленьких деток, то эти «губкобобовские» бренды — для больших.

Неподалеку от «Крабстера» — лавка, на ней сидел, развалившись, солдат, пил виноградный сок. На подоконнике сувенирного магазинчика — бокал розового вина. Рядом стоял расслабленный человек в просторной рубаше с пальмами, думал о чем-то.

Мужчина за тридцать вышел на перекресток пешеходной улицы с автомобильным переулком. Компания киргизов окружила его, обтекла, как вода вокруг камня. Молодые парни, один из них выговаривал четко, старательно, слегка восторженно:

— Хоккей с мячом — обстановка, конечно, по кайфу!

В середине Арбата торговали пряниками, мороженым, пирожками, тут же рядом можно было и перекусить. За длинным столом стоял крупный мужчина в серой футболке, к нему подошли еще двое, один похлопал по плечу.

— Серега, не грусти!

Серега кивнул, и двое пошли дальше, мимо магазина самоваров и магазина «Живые акулы».

Мужчина за тридцать прошел мимо «Синего троллейбуса», навечно припаркованного здесь, на Арбате. Ликвидация троллейбусов в центре столицы этого, синего не коснулась, но ремонта он не избежал. Двери были закрыты и заставлены лавочками. Мужчина за тридцать когда-то был здесь, ел вкусные гренки, пил обычное пиво и слушал плохое, но очень задорное пение.

— Хотите поддержать голубя? — набросился коршуном молодой худощавый парень с белыми птицами на руке.

— Ни в коем случае, — ответил мужчина за тридцать.

Напротив троллейбуса несколько парней танцевали хип-хоп-танцы. Одному, бородатому, похоже, было тоже под тридцать, а он крутился на черном мате, двигался в такт речитативу. Еще один парень — в немисливо цветастых одеждах, словно попугай, мало похожий на рэпера, раздавал прохожим флаеры. Мимо прошли полицейские, бросили взгляд на компанию. Мужчина за тридцать заметил, как удивительно совпали движения полицейских и парня, что танцевал хип-хоп танец. Словно они и жили, а не только двигались в едином ритме. Женщина лет пятидесяти с мятым пакетом в руке бросила парню купюру. «Она больше похожа на посетительницу “Синего троллейбуса”, ну надо же», — не переставал удивляться мужчина за тридцать. «Лигалайз май-селф», — донеслись до него слова песни, и он отправился дальше.

Слева мужчина и женщина средних лет переглядывались, стоя возле вывески «Музей телесных наказаний», — словно заговорщики, решавшие, совершить ли им запретное. Музеи наказаний, пыток, казней есть в разных городах страны, в самых крупных — уж точно, и всегда они на главных улицах, в центре, в знаковых для города местах. Что-то привлекает людей в наказаниях, какую-то прелесть видят они в пытках — и москвичи, и гости столицы, раз на Арбате, совсем неподалеку от «троллейбуса», стоит такой музей.

Напротив музея — летняя веранда. Играла легкая музыка, четверо веселых мужчин кричали через весь Арбат, завлекали беззаботную девушку в черном:

— Заходи, пока мало! — почему-то кричали они. — Потом много будет!

Девушка задорно смеялась. Засмотревшись на нее, мужчина за тридцать едва не столкнулся с иностранцем.

— Махино-кемас! — кричал загорелый мужчина в белой шляпе.

— Кисе-ко! — отвечала ему женщина возле витрины.

«Португальцы?» — подумал мужчина за тридцать.

— Вы мне уже обещали 2–3 недели, — услышал он срывающийся голос. Старушка стояла у киоска с газетами, жестикулировала, доказывала что-то продавщице.

— Ну нет, нет! Не привозят! — объясняла та.

— Всего доброго, — хмуро сказала старушка и отошла от киоска.

Две девицы в пышных нарядах и париках продефилировали мимо. Наверное, их костюмы должны напоминать о временах Екатерины, решил мужчина за тридцать. Но лица девушек были простыми и круглыми — такие себе болтушки из Московской — или какой еще — области. Справа — книжный магазин «Москва», ирландский паб.

В самой середине улицы толстушка в возрасте важно говорила в трубку:

— Я в данный момент на работе, не очень удобно говорить. Мне трудно. Еще не вечер, да.

— Самые вкусные пельмени в нашей вареничной! — зывал кавказец-промоутер.

— Не, ну не сволочь! — промчался мимо гражданин в пиджаке и исчез, словно испарился.

— Дай мне пить, хочу пить, а ты мне не дала! — ныла капризная девочка в полосатом платье, теребя такое же полосатое платье матери.

— Собак разводила — у нее 50 собак, без преувеличения! — произнес еще кто-то.

— Когда мне говорят: добрая, чистая, я всегда отвечаю: бюджетная, — заржал молодой парень, белозубый и кареглазый.

— Смотри, что написано: «Та-ту-ировки!»! Хочешь, татуировку напишем тебе? — взрослая мама вела за руку мальчика, тот внимательно слушал, как она старательно выговаривала это: напишем. — «Я люблю Лилию», например.

Мальчик просиял, но семья прошла мимо тату-салона.

Кролик в нарядном костюме раздавал листовки и зывал в заведение рядом. Сначала мужчина за тридцать подумал, что этот — из той же компании: котов, леопардов, чебурашек... Но тут же вспомнил: белый кролик! Следуй за белым кроликом. Должно быть, он с теми и рядом не встанет. Элита! И уж тем более этот кролик не порывался никого обнимать. Он вообще выглядел старым и усталым, несмотря на то что был всего лишь костюмом, в который вставили человека, чтоб его двигать, кивать этой старой усатой головой.

А может, это любовь? —

громыхнула, словно молния, песня. Мужчина за тридцать прислушался:

Все хорошо, ты держись...

Раздевайся, ложись...

Шум воды заглушал отчаянную песню — шумел фонтан у театра Вахтангова. Возле него сидели группки молодых людей. Все молчали, слушали воду. Только кто-то рядом прошептал:

— А масоны и мормоны — они вообще дружили?

Но мужчина за тридцать не успел понять, кто это сказал. Арбат расширился возле театра, и над улицей зазвучали стихи.

Их читал человек — обычный с виду, в шортах, зеленой футболке. Рядом с ним на асфальте — сумка, написанное от руки:

«Авданин Алексей. На новую книгу».

«Издает книги за свой счет?» — удивился мужчина за тридцать. Сам он занимался в жизни приземленными делами, такими, что и говорить о них не стоило, но если бы вздумал издать книгу... то вряд ли бы сам это финансировал. Нет, ничего плохого, просто денег жалко: сам сочинил, еще и заплатил, чтоб прочитали... Ну, как если б ты сдавал квартиру и еще приплачивал квартирантам, чтоб они согласились там жить.

«Мне снился кошмарный сон — не стало поэта...», «В красной газете советско-шаблонной...», — врывались словесным вихрем в уши мужчины за тридцать стихи поэта Авданина.

Я верю: не умер в сердцах миллионов,

Его просто в живых не стало.

Поэт почесал руку, посмотрел вниз, на асфальт. Вдохнул:

Только я вот взрослою, старею совсем,
Мне становится трудно дышать...

Рядом с поэтом афиша театра — большие буквы: «Улыбнись нам, Господи!»

— Я много салата, наверное, съела, сильно пучит, — промчались стрелой мимо мужчины за тридцать две некрасивые девушки, пока поэт Авданин рифмовал слова «плач» и «палач».

Мы в большинстве своем чужие
Друг другу меньше, чем себе, —

выдал поэт. Мужчина за тридцать стоял в замешательстве. Слишком много «мы», решил он. Зачем такое частое «мы»? Ему не нравилось, когда говорили от его лица. Да и какие это «мы»? Где эти «мы»? Был поэт Авданин, и была идущая толпа.

И было соседнее здание с красивым эркером, фигурными окнами. На четвертом этаже — последнем — женщина белила стену возле окна. Висела, привязанная на крепком тросе, и слышно было, как она шуршит, скоблит, выравнивая стену, снимая старый слой, чтобы нанести новый.

— Моя любовь — это и сперматозоид, и яйцеклетка, — вновь раздался над главной улицей столицы голос поэта Авданина.

Женщина на тросе замерла, услышав эти слова, и удивленно глянула вниз. А поэт принялся за старое:

Я верю в дружбу и любовь,
а мне кричат: уйди с дороги!

Кричал, правда, только один поэт. Может, и хотел бы, чтобы кричал еще кто-то, кроме него, но никто не кричал. Вот об этом и надо бы писать ему, наверное, подумал мужчина за тридцать. Что никто не кричит. Ведь проблема — в этом.

На словах «Люблю я грязных мужиков...» мужчина за тридцать пошел по Арбату дальше. Но вслед еще неслось:

Хотели крест поставить на стихах,
Ломая парня на Арбате...

Мусорщики в оранжевых комбинезонах прошли мимо, разделились — один слева от мужчины за тридцать, другой — справа.

— Иди пока туда, чтоб я не это самое... — сказал кто-то из них.

Возле стены Цоя дежурила полицейская машина. Служители порядка вяло поглядывали на трех неформалов, которые присели прямо на асфальт. Цой сочинил однажды:

И пускай фонари
Светят ярче далёких звёзд —
Фонари все погаснут, а звёзды
Будут светить.

И мужчина за тридцать любил Цоя, потому что тот сказал эти слова. Но вот кричал ли их над Арбатом?

Какие-то художники написали на днях поверх сакральной стены: ЦОЙ МЕРТВ. Второе слово закрасили. Наверное, это сделали другие художники, подумал мужчина за тридцать. Нужно же художникам чем-то заниматься, много их. А Цоя — ни одного.

— Ну полюбила девушка, развелась... Бывает. А что? Что ты ржешь? — говорила низенькая девушка с огромными глазами.

— Мне дай! Ну дай, — кричали два парня впереди. — Колян, ну дай!

Мужчина за тридцать обошел их. Становилось очень жарко, со лба стекал пот. Он достал из портфеля имбирный напиток и выпил его в несколько глотков. Теперь можно было передохнуть, собраться с силами, чтобы закончить свое путешествие, одинокую свою прогулку. И рассмотреть памятник Окуджаве.

Он был в такой же стилистике, как и памятник Бродскому. Вот только людей в скульптурной композиции на сей раз не было вообще. Рельефные ворота далеко позади поэта и еще одни такие же — сразу за его спиной. Словно так и ходил он всю жизнь, Окуджаву, от одних рельефных ворот к другим. Но смотрел он не в небо, как Бродский, а перед собой, чуть вниз, как будто потерялся. Как будто был запечатлен в момент, когда только что все сказал, и больше сказать нечего. Проводил старую мысль и начал искать новую, а новой уже нет.

Две женщины под сорок принялись снимать Окуджаву с разных ракурсов, потом рассматривать, что получилось. Почему-то долго смеялись. Лысоватый, бедный на вид мужчина внимательно и долго смотрел на Окуджаву снизу вверх, напомним этим Бродского. Женщина лет тридцати пяти подошла к памятнику, принялась позировать, улыбаться. Подруга сфотографировала ее. Женщина долго смотрела, оценивала, потом спросила:

— А кто это вообще? Ты знаешь? Где написано?

— Ресторан назывался «Шашлык-машлык», — прозвучал другой женский голос, резкий. И немедленный ответ — мужской:

— Оригинально.

Между рельефными воротами стояла скамейка, росло широкое ветвистое дерево. На скамейке — двое гостей столицы из южных, но не самых далеких стран, бородатый парень в кепке, дед с пакетом. Может, оно так задумано, решил мужчина за тридцать, что функцию толпы, тех самых «слипшихся», что были возле Бродского, здесь выполняли живые люди? Затем-то и поставили скамейку.

Толстяк возле дальних рельефных ворот вертел в руках ключи, раздумывая, куда идти дальше, что делать.

Арбат заканчивался. Китаянка с розовым зонтом что-то кричала, ей навстречу бежал китаец. Слева выросло здание МИД, впереди замаячила гостиница — «Голден Ринг», «Золотое кольцо»... Везде была своя жизнь, у каждого — своя. Его жизнь, мужчины за тридцать, не заканчивалась вместе с улицей Арбат. Она продолжалась. Нужно было спуститься в метро, куда-то ехать, что-то делать дальше. Он постоял на остановке, подождал троллейбус, потом глянул вперед и увидел пробку.

— И там еще, в этой книге... — говорила миниатюрная девушка с фенечками на руке своим друзьям-спутникам. — В каждом человеке есть одно какое-нибудь качество, самое существенное для него, а остальное — так, добавочное.

Мужчина за тридцать поправил съехавшую набок кепку. Он решил не ждать больше и отправиться к метро «Смоленская» пешком. И вправду — что там ехать? Перейти через дорогу — да и все. Ну, еще минуты две. Ведь времени у него — бесконечность.

Девушка в синем платье на лестнице подземного перехода пытливо смотрела в глаза небритому парню в больших очках, с прилизанными волосами. Он стоял и с отстраненным видом ел мороженое.

— А у вас какая мечта? Мечтаете ли вы о чем-нибудь?

Парень откусил маленький кусочек и неторопливо пережевывал. Его очки блестели, преломляя солнце.

— Вы слышите меня, молодой человек? Вы меня слышите?